

Опубликовано:

Сорокина М.Ю.

Пересекая границы: российские ученые-эмигранты — члены Сербской академии наук и искусств //

Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении (Белград, 1—2 июня 2011 г.). Белград, 2012. С. 69—77

Марина Юрьевна СОРОКИНА

**Пересекая границы:
российские ученые-эмигранты – члены Сербской академии науки и
искусств**

Историческая рубежность эпох часто осознается современниками ретроспективно. Однако переход от XIX к XX-му веку почти сразу был воспринят современниками как судьбоносный и для Европы, и для России и Сербии, в частности. Этому способствовали не только апокалиптические настроения обществ и правящих элит, всегда сопутствующие концу века, но и реальные изменения социально-политической карты Европы, главным из которых стало резкое расширение коммуникативного пространства континента за счет разрушения «старых» империй и появления «новых» национальных государств. Одновременное изменение технологической составляющей этого процесса — техническая революция в средствах коммуникации — парадоксально делало это расширяющееся пространство более связанным и взаимозависимым.

Этот общий процесс в полной мере затронул и научное сообщество. Коммуникативная среда европейской науки претерпела существенную трансформацию: активно заявило о себе российское национальное научное сообщество, впервые осознавшее себя в этом качестве на рубеже XIX—XX вв., появился масштабный славянский научный мир, в научное сообщество стали вливаться специалисты азиатских стран (Япония, Китай и др.), а кроме того, важнейшим фактором развития

научного знания и новых научных программ стало взаимодействие и взаимовлияние американского и европейского научных сообществ.

В свою очередь значительно изменился и характер международных научных отношений. Несмотря на сохранение традиционных инструментов общения (стажировки, конференции, публикации, личные связи, совместные проекты), понимание необходимости полномасштабных преобразований этих отношений выводило на первое место коммуникационные стратегии как практическую проблему мирового научного сообщества. Проблема оказалась тем более важной, что начало XX века ознаменовалось глобальными социально-политическими катаклизмами, вызвавшими значительные миграции населения, в том числе и научных специалистов.

Трансформация коммуникационных стратегий означала появление на национальном и персональном уровне категорий «выбора» и «перспективы». Оставаться ли в рамках «старой» традиции или следовать в русле «новой» и какие инструменты выбрать для поддержания выбора — решение этих вполне конкретных вопросов нередко определяло как научную карьеру ученого, так и национальных научных сообществ в целом. Как в условиях социально-политических и военных кризисов персональная коммуникативная стратегия отдельного исследователя сочеталась и сочетается со стратегией научных дисциплин, научного сообщества в целом и национального научного сообщества, в частности, — вопрос целой исследовательской программы. В настоящем докладе на материале взаимодействия российской научной диаспоры и научного сообщества Сербии мы только намечаем некоторые подходы к его решению и предполагаем связать этот вопрос с проблемой артикуляции идентичности ученого-беженца.

На протяжении многих десятилетий Белград единодушно, хотя и с разными акцентами, описывается историками разных школ, стран и поколений как один из центров российского научного зарубежья наряду с Берлином, Прагой, Парижем и др. европейскими столицами, принявшими российских беженцев в 1919—1921 гг. Правда, ни один из исследователей специально не разъясняет, каково содержание понятия «центр научного зарубежья» и каковы критерии отнесения того или иного локуса к

такому «центру». Тем не менее, из общего изложения проблемы понятно, что в качестве «центров» рассматриваются те города, в которых имелось сколько-нибудь значимое количество российских ученых-беженцев и эмигрантских научных учреждений, обществ и периодической печати.

Ограниченность такого подхода сегодня очевидна. Он почти не учитывает результаты собственно научной деятельности эмигрантских институций, которые служили в то время не столько науке, сколько являлись прежде всего инструментом поддержания социальных связей внутри научного сообщества и диаспоры в целом. Таким образом понятие «российское научное зарубежье» редуцируется до круга персоналий и учреждений, непосредственно связанных именно с эмигрантскими организациями, в то время, как многие российские ученые-беженцы сделали успешную индивидуальную карьеру в научных институциях стран пребывания без непосредственной опоры на эмигрантские ресурсы¹. Достаточно напомнить судьбу самого успешного коллективного научного проекта российского научного зарубежья – Археологического института им. Н.П. Кондакова. Созданный в 1925 г. в Праге как Семинарий им. Н.П. Кондакова, а затем продолживший свою деятельность в Белграде, он исходно — материально и статусно — был связан с Министерством иностранных дел Чехословакии, различными зарубежными и международными научными организациями и частными лицами, но никак не с русскими эмигрантскими учреждениями.

Недостаточная разработанность терминологического аппарата для описания истории диаспор — весьма характерная черта современного историографического дискурса. Исследователи по-разному толкуют даже сами термины «эмиграция» и «зарубежье». Так, одни полагают, что «русская эмиграция» как культурно-исторический феномен завершила свое существование с концом Второй мировой войны (М. Раев, В. Берелович и др.). Их оппоненты считают ровно наоборот — в первой половине XX в. российская диаспора только начала свое динамичное развитие. Многие исследователи по-прежнему говорят о «трех волнах» эмиграции, хотя, например, исследования Е.И. Пивовара и ряда других историков убедительно и аргументировано развивают и обосновывают более широкую концепцию «пяти волн»².

Судьба российского зарубежья, в том числе и научного, также по-разному трактуется российскими и зарубежными историками. Российские исследователи

рассматривают ее как неотъемлемую составную часть «внутренней» истории Российской империи / СССР, как историю прежде всего «потерь» и «страданий»; зарубежные — как часть «своей», акцентируя проблемы «помощи» и «вклада». Только в последнее время стали появляться работы, анализирующие весь спектр амбивалентных отношений любой диаспоры и принявшей ее страны и общества — от вопросов взаимодействия и интеграции до конфликтов и противостояния³.

К сожалению, российская историография не располагает ни одной монографией, анализирующей историю становления российской научной диаспоры как самостоятельный феномен; отсутствуют сводные списки русских научных учреждений и центров за границей, биографические справочники научных работников, полные библиографии их трудов и о них. Образ «российского научного зарубежья» распадается пока на биографии и достижения отдельных представителей научной диаспоры.

История российской научной диаспоры в КСХС / Югославии, хотя и не является исключением в этом, все же описана в целом намного подробнее, чем в других странах. Сформировавшиеся на сегодня исторические нарративы поддерживаются, с одной стороны, разработками представителей российской диаспоры (работы А.Б. Арсеньева, Т.В. Пушкадии-Рыбкиной и др.)⁴ и российских ученых (труды Е.П. Аксеновой, В.Д. Козлитина, В.И. Косика и др.)⁵, а с другой, усилиями югославских / сербских, словенских и др. исследователей (М. Йованович, Т. Миленкович, А. Петрович и др.)⁶.

Несмотря на известную разницу в подходах к анализу исторического материала, все они обращают внимание на факт значительного количества российских ученых-эмигрантов, избранных в Сербскую королевскую академию наук / Сербскую академию наук и искусств (САНИ), и интерпретируют его как признание научным сообществом Югославии большого вклада российских мигрантов в развитие национальной и мировой науки. Действительно, если существенным критерием «научного центра» диаспоры считать количество ученых-мигрантов, избранных в местную Академию наук (или аналогичное по значимости общество), то Белград вполне может быть назван одним из главных центров российского научного зарубежья. Только до Второй мировой войны членами Сербской академии разного статуса было избрано восемь российских исследователей; еще больше россиян, покинувших родину в первой половине XX в., получили признание в Академии после Второй мировой войны. В пропорциональном отношении ни одна национальная группа Югославии не была столь многочисленна в

Академии, как российские эмигранты. Это настоящий историко-научный феномен, особенно, если учесть, что в КСХС в тот период не было русской высшей школы⁷.

Между тем, несмотря на наличие прекрасного интернет-сайта САНИ⁸, содержащего исчерпывающие сведения о членах Сербской академии, исследователи по-прежнему называют разное количество избранных россиян. Показательно, что часть имен просто игнорируется. На наш взгляд, за этим, казалось бы, незначительным фактом стоит исторически мотивированное концептуальное расхождение в понимании объема и содержания понятия «научная диаспора», а также ее места и роли в современном мире.

В 20-е годы XX века Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) являлось одним из наиболее крупных российских эмигрантских центров в Европе. По разным подсчетам, в этот период в нем проживало от 25 до 35 тысяч русских беженцев. Профессиональная структура российской диаспоры была весьма примечательной: более 60 % составляли военнослужащие; более 30% — представители интеллектуального труда и только 5% русских беженцев зарабатывали физическим трудом⁹.

Особенностью российских беженцев в КСХС был их высокий образовательный уровень. По данным переписи 1922 г., более 70 % русских, прибывших в КСХС, имели высшее и среднее образование. В страну приехали 88 университетских преподавателей, 836 инженеров, 108 агрономов, 370 учителей средних учебных заведений, 185 врачей, 401 юрист и судья, 133 адвоката, 150 деятелей искусства¹⁰.

В университетах КСХС, по данным М. Йовановича, преподавало свыше 100 русских профессоров и ученых, только в Белградском университете их было более семидесяти¹¹. Такой значительный приток российских кадров стал возможен во многом благодаря тому, что проблемы российских беженцев в КСХС решались на самом высоком правительственном уровне в силу устойчивого русофильства значительной части сербской элиты, видевшей в приезжавших большой интеллектуальный ресурс. Поэтому в КСХС, в отличие, например, от западноевропейских стран, свидетельства и дипломы об образовании, научные степени, полученные в России до 1917 г., считались имеющими законную силу.

Российские подданные имели и ряд других преимуществ. До конца 1920 г. они имели право свободного выбора места жительства (с лета 1920 г. — за исключением нескольких крупных городов), свободы передвижения по стране, занятия должностей в армии и государственном аппарате. В то же время закон о югославском гражданстве запрещал принимать иностранцев на постоянную работу в государственные учреждения, поэтому российские эмигранты подписывали временные контракты с оговоренной суммой жалованья, а право на гражданство они могли приобрести через несколько лет. Эта тенденция изменилась в 1928 г., когда ученым-эмигрантам, принявшим югославское подданство, в трудовой стаж засчитывалась и их служба в России, и контрактная служба в Югославии. Тем не менее, многие выходцы из России, несмотря на материальные и социальные потери, предпочитали сохранять российское гражданство.

Академические организации ученых-беженцев также создавались прежде всего для сохранения кадров национальной науки для будущей России. Даже Русский научный институт в Белграде, основанный 16 сентября 1928 г., в первые пять лет своего существования размещавшийся в здании Сербской королевской академии наук, финансируемый правительством КСХС и вскоре ставший ведущим научным центром российской диаспоры, ориентировался прежде всего на «русское будущее» и минимально взаимодействовал с сербскими научными институтами.

Известный американский историк российского происхождения Марк Раев, отмечая высокую активность российских ученых в Югославии, тем не менее считал, что русский научный Белград значительно уступал по созидательности Берлину, Парижу и Праге. С глухой ссылкой на анонимных «приезжавших лекторов» он подчеркивал «провинциальность» Русского научного института и «узость» интересов его членов и белградских российских эмигрантов в целом, «интеллектуальный изоляционизм» некоторых известных ученых (например, академик П.Б. Струве) и даже объяснял этими фактами то, что большинство ученых «легко вливались в структуру югославского общества»¹².

Несомненно, близость языка и веры, а также поддержка властных структур и общественных деятелей КСХС, позволили многим российским беженцам-интеллигентам достаточно быстро адаптироваться к новой социальной среде. Но правда и то, что в отличие, например, от Франции, российская диаспора в КСХС в целом была

замкнута на себя и не принимала активного участия в общественной жизни сербов и других югославянских народов. В то же время именно ученые сумели преодолеть известный диаспоральный изоляционизм и были приняты местным научным сообществом, с которым быстро нашли общий язык. Безусловно, профессиональная интеграция способствовала и менее болезненной психологической адаптации к изгнанию, и продуктивному продолжению своих научных исследований, равных или даже превосходивших достижения в России.

Конечно, процесс имплантации в новое научное сообщество был сложным и не обходился без конфликтов. Так, еще в 1919 г. руководство медицинского факультета Белградского университета отказалось принять физиолога Б.П. Бабкина и патолога и геронтолога В.Г. Коренчевского, уехавших в Лондон. Два других «отказника» — профессора А.К. Медведев (физиологическая химия) и А.Ф. Маньковский (гистология и эмбриология) — уехали в Софию (Болгария). Российские гуманитарии, прежде всего историки и историки церкви, в письмах очень жаловались на непонимание и недоброжелательность белградской атмосферы¹³.

И все же сербская научная элита в целом осознавала позитивное стимулирующее значение прихода российских специалистов, что, в частности, выразилось в выдвижении некоторых из них в Сербскую королевскую академию наук. Избрание российских ученых-беженцев в Академию символизировало, с одной стороны, историческую преемственность традиции связи культур и интеллектуальных элит двух стран. В дореволюционный период почетным членом Сербской королевской академии наук был писатель Л.Н. Толстой; среди избранных в разные категории членов были известные российские ученые и писатели: И.С. Аксаков, Ф.И. Буслаев, В.Г. Васильевский, А.Н. Веселовский и др. Уже в постсоветское время членом Академии стал писатель, лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын.

С другой стороны, избрание российских ученых — политических изгнанников в своей стране, было демонстрацией корпоративной солидарности и поддержки их со стороны югославянского научного сообщества. Эта солидарность не осталась незамеченной в большевистской Москве и при организации пышного празднования 250-летнего юбилея Российской академии наук (переименованная в 1925 г. в Академию наук СССР) Народный комиссариат иностранных дел СССР дал указание не приглашать на торжества ученых из балканских стран¹⁴.

Первым из россиян членом-корреспондентом Сербской академии наук был избран уже в 1921 г. известный филолог-славист Степан Михайлович Кульбакин (1873—1941), буквально в момент своего выезда из России в 1919 г. ставший членом-корреспондентом Российской академии наук. Несомненно, избрание Кульбакина было во многом обязано его многолетней дружбе и сотрудничеству с профессором А. Беличем¹⁵. Всего через 4 года, в 1925 г., Кульбакин был избран уже действительным членом Академии и до 1941 г. вел активную научную работу в Белграде. В свою очередь АН СССР еще 15 декабря 1928 г. исключила его из своего состава «ввиду утраты связи». Только в марте 1990 г. постановлением Общего собрания АН СССР С.М. Кульбакин был восстановлен в звании действительного члена Академии.

В 1926 г. состав Сербской академии наук пополнился математиком Антоном Дмитриевичем Билимовичем (1879—1970), в 1932 г. — геологом Владимиром Дмитриевичем Ласкаревым (1868—1954) и правоведом Федором Васильевичем Тарановским (1875—1936), в 1934 г. — математиком Николаем Николаевичем Салтыковым (1872—1961) и правоведом Евгением Васильевичем Спекторским (1875—1951).

Количественный пик избрания российских ученых пришелся на 1932—1934 гг., т.е. наступил примерно через 10 лет их «укоренения» в КСХС, что исключает спекуляции о доминировании исключительно личных связей в практике избрания. Практически все российские специалисты приехали в Королевство уже в ранге профессоров российских университетов, в основном Харькова и Одессы, и пропорционально представляли гуманитарные и естественные науки. Интересно, что в отличие от многих коллег, осевших в других частях Европы, Китая и Америки и вынужденных неоднократно менять страну пребывания, почти все крупные российские ученые-беженцы навсегда связали свою профессиональную и личную судьбу с Югославией / Сербией, став основателями и директорами академических институтов, и закончили свой жизненный путь здесь же.

В то же время почти никто из исследователей истории российской эмиграции в Югославии не упоминает, что наряду с указанной группой ученых в довоенный период иностранными членами Сербской академии стали еще два российских специалиста-эмигранта — выдающийся историк-византист Александр Александрович Васильев (1867—1953) и правовед Борис Сергеевич Миркин-Гецевич (1892—1955). Каждый из

них сделал индивидуальную научную карьеру в зарубежье, не связанную с русскими эмигрантскими учреждениями, но опирающуюся на их личные международные научные связи.

Профессор всеобщей истории Юрьевского¹⁶ и Петроградского университетов, выдающийся специалист в области древнехристианской и византийской археологии и истории, А.А. Васильев остался в США в ходе заграничной командировки в 1925 г. Он стал «невозвращенцем» уже в статусе члена-корреспондента АН СССР. Также, как и С.М. Кульбакина, его исключили из Академии, но десять лет спустя, уже в годы разворачивавшегося «Большого террора»¹⁷. С 1925 г. по 1939 г. А.А. Васильев заведовал кафедрой древней истории Университета Висконсин-Мэдисон. Вместе с академиком М.И. Ростовцевым он принимал участие в создании и деятельности Археологического института им. Н.П. Кондакова в Праге и Белграде, а в 1936 г. был его президентом. Членом-корреспондентом Сербской академии наук А.А. Васильев был избран в 1934 г.; в 1948 г. он был уже назван действительным членом Академии. Как видно из этой краткой справки, на протяжении многих лет профессор Васильев был своего рода живым связующим центром между российскими учеными-эмигрантами и их коллегами из западного и балканского научных сообществ.

Похожая судьба и предназначение были у эмигрировавшего из России в 1920 г. во Францию Б.С. Миркина-Гецевича. Помимо преподавания в российских и французских высших учебных заведениях, он был вице-директором Международного института истории Французской революции в 1932—1936 гг., а после отъезда в 1941 г. в США — директором Института сравнительного правоведения при Новой школе социальных наук в Нью-Йорке и вице-президентом Международной лиги по правам человека. В 1937 г. Миркина-Гецевич был избран членом-корреспондентом Сербской академии наук, а в 1948 г. — действительным членом Академии.

Сразу после Второй мировой войны, в 1946—1948 гг., в составе Сербской академии наук и искусств появились еще несколько бывших российских ученых: химик Николай Антонович Пушин (1875—1947), инженер-механик Владимир Владимирович Фармаковский (1880—1954), византолог Георгий Александрович Острогорский (1902—1976). В 1955 г. в состав Академии вошли инженер-механик Яков Матвеевич Хлытчиев (1886—1963) и лингвист Роман Осипович Якобсон (1896—1982), в 1958 г. — специалист в области прикладной механики Константин Петрович Воронеж (1902—

1974), в 1959 г. — археолог и историк Андре Грабар (1896—1990), в 1988 г. иностранным членом Академии стал историк Дмитрий Оболенский (1918—2001). Наконец, нельзя не упомянуть и о слависте Ирине Георгиевне Грицкат-Радулович (1922—2009) — члене-корреспонденте Сербской академии с 1978 г., действительном члене с 1985 г., которая родилась уже в Белграде, но всегда подчеркивала свое происхождение из семьи русских эмигрантов.

Конечно, с точки зрения формирования профессиональной идентичности послевоенное поколение российских по происхождению ученых существенно отличалось от довоенного. Многие из них выросли уже в общественной и интеллектуальной атмосфере диаспоры и / или зарубежных стран, получили здесь образование, научный статус и контакты, и идентифицировали себя с научными сообществами стран пребывания. Но подавляющее большинство из них продолжали определять свою культурную идентичность как русскую / российскую. В то же время нельзя не согласиться с мнением А. Петровича, что членство русских эмигрантов в Сербской академии наук может служить мерилom их общего значения в сербской культуре, а влияние этой группы — примером удачной интеграции и взаимодействия сербской и русской культур в общем прошлом¹⁸.

Конечно, было бы интересно детальнее изучить процесс выдвижения российских кандидатур в члены Академии: кто, когда и с какой аргументацией их предлагал, какие отзывы приходили, кто оппонировал кандидатам и т. п. Немаловажно при этом было бы обратить внимание на то, как в рамках избирательного процесса учитывались вопросы гражданства, а также на то, как складывались судьбы семей ученых. Одним словом, программа изучения бытования российской научной диаспоры в динамическом взаимодействии с сербским научным сообществом могла бы быть продолжена как позитивный пример формирования новой научной (персональной и институциональной) среды в условиях кризиса.

Характерно, что после Второй мировой войны Сербская академия наук и искусств, наряду с избранием в свой состав представителей научного сообщества СССР, продолжала пополнять свои ряды и учеными российского происхождения, вынужденно покинувшими родину по политическим причинам. Тем самым коммуникативная стратегия Академии на поддержание традиционной связи с российским научным сообществом, где бы ни находились его представители, получала

полномасштабную реализацию в этот период и способствовала прогрессу славянского научного мира.

¹ См.: *Сорокина М.Ю.* Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М., 2010. С. 75-94; *Сорокина М.Ю.* Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье». Пилотный выпуск 1: Медицинские науки. XIX - первая половина XX в. М., 2010; *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье». Пилотный выпуск 2: Психологические науки. XIX - первая половина XX в. М., 2010; *Сорокина М.Ю.* Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье». Пилотный выпуск 3: Востоковедение. XIX - первая половина XX в. М., 2010.

² См.: *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.

³ См.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920-1940. М., 2005; *Ронин В.К.* Русское Конго: 1870-1970: В 2 т. М., 2009; *Kröhn C.-D.* Intellectuals in Exile: Refugee Scholars and the New School for Social Research. Amherst, 1993; *Gousseff-Klein C.* L'exil russe. La fabrique de réfugié apatride (1920-1939). P., 2008; и др.

⁴ *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996; *Пушкадия-Рыбкина Т.В.* Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007.

⁵ См.: *Аксенова Е.П.* К истории русской научной эмиграции в Югославии: (Письма А.Л. Погодина А.В. Флоровскому // Славяноведение. 1995. № 4; *Аксенова Е.П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А.В. Флоровского) // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996; *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии. 1919-1945. Харьков, 1996; *Ульянкина Т.И.* Русская академическая эмиграция в Сербии: обзор довоенного периода 1919–1938 гг. // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. СПб., 2009; Русские в Сербии / Отв. ред. А.А. Максаков. Белград, 2009.

⁶ *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии, 1921–1940 // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996; *Петрович А.* Мост, через который еще предстоит перейти: русские ученые – члены Сербской академии наук после Октябрьской революции // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. СПб., 2009. С. 77-88.

⁷ По этому показателю с КСХС / Югославией могут сравниваться только США, но там и Академия наук имеет другие функции и совершенно иной статус в научном сообществе.

⁸ См.: <http://www.sanu.ac.rs/>

⁹ *Денда Д.* Русские беженцы в югославской армии, 1919–1941: к вопросу о деятельности русской эмиграции в Югославии // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VI. М., 2009. См. также: В поисках лучшей доли: Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: вторая половина XIX — первая половина XX в. М., 2009.

¹⁰ *Миленкович Т.* Указ. соч. С. 136.

¹¹ *Йованович М.* Указ. соч. С. 332.

¹² *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. М., 1994. С. 88.

¹³ *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. С. 200.

¹⁴ Подробнее см.: *Сорокина М.Ю.* Двухсотлетний юбилей Академии наук // На переломе: Отечественная наука в конце XIX-XX вв. Вып. 3. СПб., 2005. С. 206-235.

¹⁵ *Гудков В.П.* Степан Михайлович Кульбакин и Александр Белич // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С.167-173.

¹⁶ Ныне Тартуский университет в Эстонии.

¹⁷ Исключен из числа членов-корреспондентов АН СССР 2 июня 1935 г. Президиумом АН СССР. 22 марта 1990 г. постановлением Общего собрания АН СССР восстановлен в звании члена-корреспондента.

¹⁸ *Петрович А.* Указ. соч. С. 79.